

Стовзвонный

Мою мечту страданья пробудили,
 Но я любим за то.
 Кто равен мне в моей певучей силе?
 Никто, никто.

НЕСМОТРЯ НА ПРОСТОДУШНЫЙ ПАФОС И БРАВАДУ, автор этих строк был не так уж далёк от истины.

Константин Бальмонт полногласно забил в колокола и наполнил русский стих напевным звучанием. Хотя в начале поэтической карьеры отдал дань надсоновским плачам. Тираж изданного в Ярославле "Сборника стихотворений" был им самим же полностью уничтожен.

В начале века комнатная лирика уступила место пылающему космосу и всполохам чувственности. Сумрачный Брюсов кадил фимиам языческим богам. Блок визионерствовал в предощущении готической Прекрасной Дамы. Отныне, до первых родовых схваток футуризма и акмеизма, лирике предстояло чрево вещать, пророчествовать, юродствовать.

Бальмонт был на поверхности всего бурлящего, кипящего и переливающегося через край. Его затягивали с головой революционные вихри, он публиковал антиправительственные стихи. Подводные течения начала века влекли его то к Горькому, то к Чехову, то к Мережковскому. "Безумства несытой души" носили его по миру. Он побывал в Мексике, Калифорнии, путешествовал по Швейцарии, Испании, Германии, читал лекции в Оксфорде, жил в Париже. И только к началу Первой мировой войны волны скитаний вынесли его к русскому берегу, где творца "бессодержательных красивых слов" (Гумилёв) объявили поэтически мёртвым.

Бальмонт стал словно бы олицетворением расплывчатости и заунывности символистской музыки, молодое поколение на нём отыгралось за промахи целой эпохи. В своих "Комментариях" язвительный Георгий Адамович высказался так: "О Надсоне или о

Бальмонте незачем упоминать: это были метеоры, мерцавшие обманчивым, неверным светом и исчезающие, надо полагать, бесследно".

И всё же поэт-беглец, встретивший смерть в 1942 году в приюте для бедных и похороненный на кладбище в Нуази-ле-Гран, достойный лучшей памяти. Ведь ему принадлежат одни из лучших переводов на русский язык драм Кальдерона и европейской лирики,

свой вариант перевода "Слова о полку Игореве", переводы из Эдгара По.

"Bells" Эдгара По в русской версии Бальмонта стали основой симфонической поэмы Сергея Рахманинова "Колокола". Удивителен этот русско-английский звон, растекающийся бесчисленными отзвуками и призывками – от санных бубенцов до свадебных колокольчиков, от благовеста до поминания:

*Слышишь, сани мчатся в ряд,
 Мчатся в ряд!*

*Колокольчики звенят,
 Серебристым лёгким звоном*

*слух наш сладостно томят,
 Этим пеньем и гуденьем о забвеньи говорят...*

Игорь Михайлов